

Глава 2. Суэта

Цзян Си был по-особенному рад — кроссовки и впрямь выглядели здорово.

Белоснежные, новенькие!

Младший дядя повёл его за покупками только потому, что тётя Линь пригласила Цзян Си в гости. Выглядеть оборванцем в такой ситуации было нельзя. Тем более тётя Линь была тем самым почётным гостем, который регулярно присылал дорогие тонизирующие добавки. Перед таким человеком ударить в грязь лицом было просто непозволительно!

В наши дни одежда служила долго, но кеды, купленные дедушкой ещё при жизни, уже буквально молили о пощаде. Их пора было менять.

Младший дядя впервые, не посоветовавшись с женой, привёл племянника в обувной магазин. Честно говоря, Цзян Си поначалу даже растерялся. Он и раньше бывал в таких местах, но обычно просто стоял в сторонке, наблюдая, как тётя выбирает обновки для своих двоих сыновей, со смехом причитая: «Ох уж эти дети! Нога растёт не по дням, а по часам, сплошные расходы!»

Цзян Си никак не мог привыкнуть к её преувеличениям. Он думал: если нога растёт так быстро, то племянники скоро обгонят сказочных великанов.

К счастью, его собственные ноги вели себя смирно и за три года, казалось, совсем не изменились. Он не знал, что это была предусмотрительность дедушки — тот купил обувь на размер больше.

Младший дядя не знал размера его ноги, Цзян Си — тем более. Продавец измерил стопу и предложил несколько самых ходовых моделей. Дядя, потирая подбородок, осмотрел полки. Цзян Си понимал: тот смотрит не на обувь, а на ценники.

Окончив осмотр, дядя спросил:

— Тебе что-нибудь нравится?

Цзян Си не успел и рта открыть, как тот добавил:

— По-моему, всё какое-то не такое.

Он ещё раз обошёл магазин и, словно нехотя, снял пару с полки для распродаж.

— Давай вот эти. Неси его размер, пусть примерит. Мы сегодня заняты, некогда тут расслаживаться.

«??»

Цзян Чжоу подал голос в групповом чате под названием «Три сапожника».

Ответ пришёл мгновенно.

Чжоу Сяодун:??

Ли Шу:??

Чжоу Сяодун:???

Ли Шу:???

Цзян Чжоу: Вы двое больные? Живы вообще? Докладывайте обстановку, конечности на месте?

Ли Шу: На месте. Отец сначала устроил мне разнос, а потом пошёл на кухню и наготовил целую гору вкусностей.

Чжоу Сяодун: Мои родители тоже купили мне еды по дороге, но стоило войти в дом, как сестрёнки-близняшки всё отобрали.

Цзян Чжоу усмехнулся. Эти две егозы, сестрички Сяодуна, были куда страшнее Цзян Куэй.

Ли Шу: Эй, я тут узнал, что Лао Юйтоу собирается делать после увольнения. Открывает лавку с завтраками!

Успев разжечь ярость во всех учениках школы, Лао Юйтоу решил вовремя сделать ноги. Стоило слуху разойтись, как желающие набить ему морду выстроились в очередь, и возглавляли её выпускники вроде Цзян Чжоу.

Цзян Чжоу: Главное, что не в школе. Пусть катится куда хочет.

Ли Шу: Хе-хе, больше не увижу его рожу. У меня даже поводов для прогулов стало на один меньше.

Ли Шу: Но мы-то первыми прославились. Нам теперь многие завидуют.

Чжоу Сяодун: Плевать.

Цзян Чжоу: Вот именно. Сами тормозили как черепахи, а теперь только языками чесать горазды. Труссы.

Ли Шу: Понял, вопросов нет.

Ли Шу: Пока с нами Чидань, нам море по колено!

Цзян Чжоу:... Заткнись!

Чжоу Сяодун: [Картинка: Ха-ха-ха]

Чжоу Сяодун: Разве не ты первым начал разбирать иероглифы на части, Чидань?

Цзян Чжоу: Чжоу Жижи, ты нарываешься?!

Чжоу Сяодун:.....

Цзян Чжоу: Ли Ханьхань, а ты иди в углу постой, подумай над своим поведением!

Ли Шу: Да блин, я в толк не возьму, почему я «Ханьхань» — проstack? Нельзя меня называть «Му-му» или «Цзы-цзы»?

Цзян Чжоу: Оставь эти нежности для своей будущей женушки, у меня язык не повернётся.

Поболтав ещё немного, Цзян Чжоу отложил телефон и прикрыл глаза. Но стоило ему собраться встать, чтобы умыться, как в животе что-то неприятно кольнуло.

Цзян Си медленно чистил зубы. Тапочки с тигрятами тётя Линь купила ему сегодня днём.

Он приехал всего на несколько дней, можно было обойтись и одноразовыми, но она всерьёз переживала, понравятся ли ему эти тигрята.

Они виделись всего-то пару раз, и то в больнице, но та искренняя симпатия и доброта, которую

Линь Энь проявляла к нему, озадачивала не только родственников, но и самого мальчика.

Почему кто-то так добр к нему?

Даже если бабушка была её наставницей... этот довод часто казался Цзян Си слишком слабым.

После смерти дедушки он больше не чувствовал себя нужным. В домах тёток и младшего дяди, даже перед лицом бабушки он был словно прозрачным.

Все его потребности и чувства — просто как человека — они не замечали. Или не хотели замечать.

Возможно, именно из-за этого резкого контраста доброта тёти Линь заставляла его чувствовать себя неловко.

Закончив с зубами, он осторожно встал на цыпочки, поставил стакан на место и вытер капли воды с раковины. Только после этого он выключил свет и вышел.

Проходя мимо комнаты «злого пса» — вернее, Цзян Чжоу, — он услышал странные звуки.

Поняв, что старший брат вовсе не злодей, Цзян Си постучал уже увереннее:

— Ты... ты в порядке? Всё хорошо?

Ответа не последовало. Мальчик нажал на ручку и приоткрыл дверь.

На полу кто-то был. Он полз.

Да, тот самый герой, который утром получил по лицу так, что кожа стала похожа на палитру акварели, и не издал ни звука, сейчас выглядел жалко.

Он уже почти добрался до порога, подполз к ногам Цзян Си и вцепился в его щиколотку.

— Черт... больно-то как... быстро, спасай меня...

Сцена казалась смутно знакомой и одновременно слишком театральной. На мгновение Цзян Си вспомнил дешёвые сериалы о несчастных влюблённых, под которые младшая тётя, чистая апельсин, качала головой: «Ой, ну и фальшь, не верю!»

Да, выглядело фальшиво. И актёрская игра старшего брата оставляла желать лучшего.

Но Цзян Си всё равно серьёзно спросил:

— Что ты... сейчас изображаешь?

«Твою же мать!» — выругался про себя Цзян Чжоу. Этот пацан что, совсем дурачок? Нормальный человек бы уже закричал или бросился помогать.

А он думает, что это спектакль?

Цзян Чжоу, прижимая руку к животу, поманил его пальцем:

— Сядь... присядь рядом.

Цзян Си послушно опустился на корточки.

— Видишь пот на лбу? Это... от боли, — голос парня дрожал. — Ты почему ещё никого не позвал? Хочешь, чтобы я тут коньки отбросил?

И правда: лицо бледное, капли пота градом.

Цзян Си внезапно опомнился, вскочил, едва не наступив на руку Цзян Чжоу, и бросился в коридор:

— Дядя! Тётя!

В комнате Цзян Бинлиня и Линь Энь ещё горел свет. Услышав крик, они быстро выбежали, на ходу попадая в тапочки.

— Сиси, что случилось?

Линь Энь, семенившая следом за мужем, вскрикнула, увидев сына на полу:

— Цзян Чжоу! Боже мой, не пугай меня так! Дорогой, что с ним?

— Не знаю, надо в больницу, — нахмурился Цзян Бинлинь, подхватывая сына на руки. — Собирайся скорее. Я пойду прогрею машину.

Он снёс Цзян Чжоу вниз и устроил на диване в гостиной, после чего пулей вылетел во двор.

Когда Цзян Си спустился следом, тётя Линь в панике металась по комнате.

— Ох, как больно... — стонал Цзян Чжоу, скрючившись на диване. — В этот раз всё... не вывезу... мне конец...

Цзян Си тихо, вкрадчиво попытался его успокоить:

— Нет, ты не умрёшь.

— Чёрт, у меня впервые так прихватило желудок... жуть какая, — голос парня сорвался, он почти плакал.

Цзян Си, однако, не сводил взгляда с его руки.

— Кажется... это не желудок. Желудок болит выше, в эпигастрии. А ты держишься за правую подвздошную область. Снизу.

— Ты что, врач недоделанный? — взвыл Цзян Чжоу от очередной вспышки боли. — Да мне плевать, что это, оно меня убивает! Если я не вернусь... слушай внимательно... передашь мои слова...

— Ты правда не умрёшь...

— Первое: пусть никто не трогает мой компьютер. Второе: не смейте прикасаться к гитаре...

Дядя Цзян уже вернулся в дом. Поднимая сына на плечо, он услышал, как тот, не сводя глаз с Цзян Си, прохрипел:

— И третье: самое главное... не позволяйте никому убираться в моей комнате! Запомнил?!

Когда Цзян Чжоу уже вынесли за дверь, Цзян Си наконец вспомнил, что нужно ответить:

— Ага.

— Сиси, Сиси! — тётя Линь торопливо сбежала по лестнице. — Мне нужно в больницу. Побудь дома, присмотри за Сяо Куэй, ладно? Она спит. Как только Цзян Чжоу станет лучше, я сразу вернусь!

— Хорошо, — кивнул мальчик.

После обследований и суеты в больнице выяснилось, что у молодого господина Цзян вовсе не гастрит, а острый аппендицит.

К счастью, случай был не запущенный. После операции Цзян Бинлинь остался дежурить у постели сына, а измотанная Линь Энь вернулась домой.

Едва переступив порог, она почувствовала аппетитный аромат еды.

Было два часа ночи. В гостиной горел свет, а за обеденным столом рядышком сидели двое детей.

— Сиси, это что? — Линь Энь тихо подошла ближе и увидела, что дети едят лапшу. — Ты сам приготовил?

Цзян Си кивнул.

— Сяо Куэй сказала, что проголодалась. Мне тоже захотелось чего-нибудь тёплого, вот я и сварил. Тётя, будете?

Он вдруг вспомнил о больном:

— А брат Цзян?..

— Всё уже хорошо, не волнуйся, — с улыбкой ответила она.

Сяо Куэй прихлебнула бульон и довольно облизнулась:

— Лапша у братика вкуснее, чем у мамы!

— Вот как? — рассмеялась Линь Энь. — Ну что ж, тогда и я попробую.

Она собралась идти на кухню, но Цзян Си опередил её.

Вскоре перед ней появилась тарелка дымящейся лапши, украшенная зеленью.

Цзян Си смущённо добавил:

— Яйца и ветчина закончились, мы всё съели.

— Подозреваю, что всё это исчезло в животике Сяо Куэй, — поддела дочь Линь Энь.

Малышка в ответ лишь весело хихикнула.

Лапша была и впрямь чудесной — ароматной и наваристой.

Линь Энь похвалила угощение, но, глядя на притихшего Цзян Си, почувствовала щемящую тоску.

Ей не нужно было спрашивать, откуда у такого маленького мальчика такие навыки. Она знала ответ. Она сама была такой же.

Сироты без опоры, живущие в чужих домах, быстро учатся делать всё самостоятельно.

Разница была лишь в том, что Цзян Си казался куда более ранимым и тихим, чем она в его годы. Он не умел бороться за себя, и от этого сердце болело ещё сильнее — ведь таким детям достаётся больше всего страданий.

— Сиси, — позвала она.

Цзян Си поднял голову. Палочки уже были отложены, последняя нить лапши исчезла во рту. Он смотрел на неё с кротким недоумением.

Линь Энь улыбнулась и протянула ему салфетку, чтобы вытереть губы:

— Ничего. Поел — и иди спать.

Некоторые слова сейчас были бы лишними.

— И что нам ему сказать? — двери лифта открылись, и Ли Шу положил руку на плечо Чжоу Сяодуна. — Мы пришли, когда его уже почти выписывают. Чидань нас... того... прихлопнет?

— Сколько он пролежал? — спросил Сяодун.

— Три дня, — ответил Ли Шу. — Тётя Линь сказала, ничего серьёзного. Моему двоюродному брату в прошлом году аппендицит вырезали, так он через два дня уже бегал.

— Если бы Чидань был твоим братом, мы бы примчались в первый же час, — вздохнул Сяодун.

В этом и была вся соль: Цзян Чжоу мог получить любые травмы в драке и даже не поморщиться, но стоило его организму самому «взбунтоваться» — будь то простуда или пустяковая лихорадка, — как он превращался в сущее наказание для окружающих. Так что вопрос о том, дорожит ли он своей жизнью или нет, оставался одной из величайших загадок современности.

— Чидань! — Ли Шу подошёл к кровати с широкой ухмылкой. — Ну как ты, бедолага? Натерпелся?

— Вы кто такие? — с каменным лицом отозвался Цзян Чжоу, прихлёбывая кашу. — Палатой ошиблись? Выметайтесь.

Ли Шу неловко замялся.

Чжоу Сяодун же понимающе кивнул:

— Раз ест, значит, газы уже отошли.

— Пошёл вон! — Цзян Чжоу едва не подавился от возмущения.

Ли Шу едва сдерживал смех:

— Ладно-ладно, виноваты, признаём.

— Цзян Чжоу, вот твоя каша — не слишком сладкая и чуть подсоленная, как просил, — в палату вошла Линь Энь и расставила контейнеры. Вид у неё был суровый. — Это последний раз. Ешь что дают.

— Мам, ну разве можно так с больным? — заныл Цзян Чжоу.

Ли Шу спросил:

— Тётя Линь, когда его выпишут?

— Температуры нет, тошноты тоже, стул в норме, анализы крови хорошие, живот не болит, швы заживают, — отрапортовала она, словно зачитывая историю болезни. — Состояние отличное, можно хоть сейчас.

— Так выписывайся! — подхватил Ли Шу. — Чидань, чего тут тухнуть? Поехали домой, там

отлежишься.

— В больнице, может, и скучно, зато безопасно, — Цзян Чжоу съел ложку каши и поморщился.
— Остыла. И сладости маловато.

Линь Энь: «.....»

Интересно, не поздно ли ещё отказаться от материнства?

Спустя неделю восстановления и после клятвенных заверений врачей, что всё в порядке, молодой господин Цзян наконец соизволил вернуться домой. Он лениво зашёл в свою комнату и, убедившись, что его священный беспорядок не тронут ни на йоту, остался крайне доволен.

Спустившись на кухню, он заварил себе кофе. Подумав, что матушка в эти дни изрядно потрудилась, он решил расщедриться на вторую чашку и для неё.

С двумя чашками в руках он подошёл к родительской спальне. Постучать было нечем, и он уже занёс ногу, чтобы пнуть дверь, как вдруг услышал вздох матери.

— Эх, беда... Хотели ведь устроить ребёнку праздник, показать город, а тут одно за другим. У бабушки его состояние ухудшилось, всё кувырком пошло. Ничего толком и не увидели.

«Ребёнок? А, этот... Цзян-Цзян-Цзян Си?»

И ведь главным источником проблем в этом доме был он сам. То драка, то операция... Малыш так и не попал в парк аттракционов.

Цзян Чжоу отхлебнул кофе.

— Ничего, в следующий раз наверстаем, — раздался голос отца. — Но знаешь... мне этот мальчик кажется каким-то не таким. С нами-то он вроде ничего, а как чужого увидит — сразу в тень, прячется.

— После смерти дедушки Сиси совсем замкнулся. Первые годы вообще как в коконе жил, сейчас хоть немного оттаял. Но родственникам его, похоже, до этого дела нет...

Подслушивать было неудобно, да и руки затекли. Цзян Чжоу не стал слушать дальше.

У такого милого ребёнка, оказывается, была совсем не весёлая история.

Знать подробности ему не хотелось.

Он ненавидел это чувство: когда на душе становится тошно от чужой боли, а ты ничем не можешь помочь.

В этом не было ничего крутого.

Цзян Чжоу с двумя чашками кофе тихо развернулся и ушёл.

<http://bllate.org/book/17532/1700330>